

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ТЕКСТА И МОТИВ ПРЕВРАЩЕНИЯ В МАЛОМ ЖАНРЕ ИНТЕРНЕТ-ПОЭЗИИ («Порошок»)

*М. А. Кронгауз*¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20
Поступила в редакцию 17.08.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-9

В статье анализируются механизмы юмора в малых поэтических жанрах, появившихся в Интернете в 2000-х годах и получивших названия «пирожок» и «порошок». Это четверостишия, написанные четырехстопным ямбом. В пирожках рифм нет, а в порошках последняя строка, усеченная до 2 слогов, рифмуется со второй. Порошок как жанр возник на основе пирожка и, соответственно, позже него. Как в анекдотах и некоторых других жанрах, важную роль в пирожках и порошках играет неожиданная для читателя концовка – пуант (фр. la pointe – острое). Усечение последней строки в порошке приводит к выделению ее в особую позицию. Усеченная строка самостоятельно или вместе с третьей строкой и составляет пуант. Для порошка это пуант почти обязателен и может быть конкретизирован, поскольку он не просто нарушает читательские ожидания, но вступает в конфликт с началом стихотворения и заставляет вернуться к предыдущему тексту и переосмыслить его, а именно поменять оценку ситуации или осуществить «превращение», то есть произвести подмену персонажа или целой ситуации. Выделяются регулярные превращения, среди которых наиболее устойчивы следующие: вещь → человек, человек → вещь, человек → животное и т. д. Особое место по частотности занимает взаимное превращение мужчин и котов. Мотив превращения связывает объекты по образцу метафоры.

Ключевые слова: интернет-поэзия, новые жанры, катрен, «пирожок», «порошок», пуант, ретроспективный пуант.

Малые сетевые поэтические жанры: определение и история появления

В этой статье речь пойдет о сравнительно молодом жанре интернет-поэзии, которому нет еще двадцати лет. Несмотря на его сетевую популярность, в частности включение информации о нем в интернет-энциклопедии, вне Интернета жанр «порошка» известен далеко не всем. Иначе говоря, разговор о порошках требует определенного исторического и культурного комментария.

Информация о сетевых явлениях значительно лучше представлена на сайтах, чем в книгах. Именно так обстоит дело и для самых популярных малых поэтических жанров, возникших в Интернете, — для пирожков и порошков. Разорвать эти два жанра невозможно, они связаны и культурно, и исторически. Наиболее достоверная информация об интернет-поэзии представлена на сайтах двух типов: во-первых, в

сетевых энциклопедиях в широком смысле этого слова («Википедии» и «Луркоморье», а также в «антологии сетевого фольклора» «Нетлор»); во-вторых, на профильных сайтах, о которых следует сказать особо. Профильными можно назвать сайты и сообщества создателей пирожков и порошков — своего рода творческие лаборатории. Для пирожков это сайт «Перашковая» (<https://perashki.ru>) и сообщество «Пирожковая» в «Живом журнале» (pirozhki-ru.livejournal.com), а также связанные с сайтом сообщества в социальных сетях (например, vk.com/perashki.ru). Для создателей порошков также существует специальный сайт «Порошки» (poroshokuhodi.ru) и сообщества в блогосфере и социальных сетях (например, связанное с сайтом «Порошки» сообщество в «Твиттере», <https://twitter.com/poroshokuhodi>). На сайтах «Перашковая» и «Порошки» есть, в частности, исторические разделы (perashki.ru/info/History). Однако для исследования более удобен сайт «Поэторий» (<https://poetory.ru>), ориентированный не на создание, а на чтение стихов. Подробнее о нем будет рассказано ниже.

Возвращаясь к энциклопедиям, можно сказать, что в «Википедии» есть статьи «Пирожок (поэзия)» и «Порошок (поэзия)», в «Луркоморье» — статья «Пирожки», а на сайте «Нетлор» — статьи «Пирожковая поэзия» и «Стишки-порошки». История появления этих двух жанров представлена во всех названных источниках непротиворечиво, хотя и с разной степенью подробности.

Пирожки зародились в среде авторов хокку на русском языке¹. В 2003 году Владислав Кунгуров (ник *al cogol*) опубликовал на сайте stih.ru несколько четверостиший под общим названием «пирожки», поскольку в основном они касались темы еды. В этом же году Вадим Саханенко (ник *Сохас*) пригласил его на свой форум, где они опубликовали первые пирожки, став создателями и законодателями жанра. В 2005 году появилось упомянутое выше сообщество в ЖЖ. Еще одним рубежом можно считать выход в 2009 году первой книги пирожков, включившей творчество пяти авторов (Саханенко, 2009).

Порошок был создан в среде авторов пирожков в результате попытки экспериментальной модификации стихотворного формата. Кроме пирожков создатель нового жанра Алексей Соловьев (ник *соловей*) опирался на творчество группы авторов *Mindless Art Group*, которые придумали в конце XX века так называемые экспромты². На сайте «Порошки», в частности, представлено их стихотворение, которое полностью соответствует стихотворным требованиям к порошкам:

В плену аборигенов стонет
Отважный Леонард Кокто:
Ему засовывают в ноздри
Пальто.

¹ Основным сайтом был hokku.ru, а также его ответвление stih.ru

² Сайт «Творчество сумасшедших» (<http://mindless-art.1gb.ru>), собственно, их поэтические экспромты: http://mindless-art.1gb.ru/Ex_best.html. Экспромты в данном случае — это короткие стихотворения (от двух до восьми строк), многие из которых сходны с пирожками, а некоторые — с порошками.

Название «порошки» сохраняет фонетическую близость с «пирожками» и отсылает к «винтажной фармакологии», как написано в «исторической справке» на сайте «Порошки» (<http://poroshokuhodi.ru/history.html>).

Из сказанного видно, что малые поэтические жанры генетически связаны между собой и отчасти перетекают друг в друга (хокку, пирожки, порошки, экспромты). Некоторые профильные сайты представляют сразу несколько жанров. Так, на сайте «Поэторий» есть не только пирожки и порошки, но и экспромты, «артишоки», «депрессяшки» и «две девятки». Эти малые жанры имеют своих почитателей, но значительно менее популярны, чем первые два. На сайте выложено около 90 тысяч стихотворений, чуть больше половины которых составляют пирожки, а немногим больше четверти — порошки (по данным на 1 июля 2019 года).

Создатели «Поэтория» определяют его как «архив наилучших представителей современной сетевой поэзии» и «самый большой сборник малых сетевых поэтических жанров в интернете» (<https://poetory.ru/about>). Этот архив основан на разных источниках, в том числе упомянутых выше, и снабжен поиском и ранжированием стихотворений по авторам, датам, популярности. На сайте «Поэторий» публикуются не только пирожки и порошки, но и другие малые поэтические жанры. Все стихотворные цитаты, приводимые в статье, взяты с этого сайта³.

Здесь надо сделать принципиальную оговорку о значении популярности, эквивалентом которой становится количество лайков. Одобрение, выраженное в лайках, подтверждает наличие в порошке юмора и неожиданного поворота. Собственно, исследовать имеет смысл именно популярные порошки, потому что многие неудачные и, как следствие, непопулярные порошки вообще не реализуют никакого механизма и не содержат юмора в принципе. Этот критерий не абсолютный, но важный. В целом можно сказать, что многие закономерности хорошо выполняются для популярных стихотворений и значительно хуже — для непопулярных.

Пирожки и порошки как жанры определяются стихотворным форматом, а также правилами их представления читателю.

Начать следует со стихотворной характеристики. Пирожки — это катрены, то есть самостоятельные завершённые четверостишия, которые написаны четырехстопным ямбом с чередованием женских и мужских клаузул. Это означает, что количество слогов в строках таково: 9-8-9-8. Рифм в пирожках нет.

Вот примеры пирожков:

сперва жена моя сбежала
потом собака и коты
сейчас смотрю как трудно рыбкам
аквариум толкать к дверям
© Severus

³ Все цитаты из Интернета с этого и других сайтов проверены 1 июля 2019 года.

олег не хочет жить в ижевске
ему милее сэн тропэ
и он на всю зарплату едет
туда на двадцать пять секунд
© better days

вдруг в эту самую минуту
бог смотрит пристально на нас
и думает сначала тапком
или сначала дихлофос
© marina

Порошки, как уже сказано, основаны на пирожках и имеют два формальных отличия. Во-первых, четвертая строка усечена в них до 2 слогов: 9-8-9-2. Во-вторых, в порошках четвертая усеченная строка рифмуется со второй. Вот примеры порошков:

пусть карл и клара постарели
но пронеся сквозь годы страсть
всё смотрят что бы друг у друга
украсть
© колик

матроскин кто был твой хозяин
с которым ты объездил мир
я называл его обычно
мессир
© Лось Иноостровский

будите всех я обоссался
и жрать хочу аж не могу
орал олег а получалось
агу
© NoMore muzz бес

Для обоих жанров есть также четкие правила их представления:

- 1) имя автора заменено ником, сетевым псевдонимом, который пишется после стихотворения на пятой строке;
- 2) используются только строчные буквы;
- 3) отсутствуют знаки препинания (включая дефис).

На профильных сайтах называются и другие правила, однако их формулировки значительно менее строгие и носят скорее рекомендательный характер. Вот, например, другие правила с сайта «Перашковая»:

Четверостишие без рифмы, цифр, знаков препинания и дефисов, написанное четырехстопным ямбом и строчными русскими буквами, называется пирожком, если помимо формата в нем присутствует неуловимый пирожковый дух.

Мат в пирожках не приветствуется.

Скрытые слоги следует прописывать явно (аббревиатуры и в некоторых случаях пётыр и театыр).

Пирожок должен волновать читателя и не быть банальным (<http://perashki.ru/info/Rules>).

Очевидно, что это не характеристики жанра, а скорее напутствие начинающим авторам. Тем не менее все-таки существует и содержательная черта, характеризующая эти жанры. Их можно назвать комическими, иначе говоря, им присущи юмор, ирония и некоторая неадекватность.

Исследование пирожков и порошков

Несмотря на свою недолгую историю, пирожки и порошки уже стали объектом лингвистических исследований. В 2012 году на пирожки обратил внимание петербургский лингвист М. Я. Дымарский, назвавший их «очередным опытом институционализации фатического речевого жанра, который можно определять как упражнения в остроумии, а можно и как стеб, — в статусе то ли фольклорного, то ли литературного жанра “малой” поэзии» (Дымарский, 2012, с. 387). В качестве предшественников пирожков он вспомнил «страшилки», по-видимому, имея в виду «садистские стишки», «гарики» Игоря Губермана и одностишия Владимира Вишневского. М. Я. Дымарский отметил строгую регламентированность только что появившихся пирожков, что, как он считает, противоречит обычно длительному становлению литературных и фольклорных жанров, формирование которых происходит в процессе творчества. В этом же случае жанр возникает вовсе не в процессе творчества, а предшествует ему и стимулирует его массовость. Для М. Я. Дымарского это означает, что между жанром и творчеством нет внутренней связи и, следовательно, нет ни жанра, ни творчества, а есть лишь форма, которая фиксирует ряд внешних ограничений, и «креативная деятельность», результатом которой оказывается симулякр.

С. Н. Петренко в 2017 году в Волгограде защитил диссертацию, в которой впервые объектом исследования стали среди прочих жанров пирожки и порошки (Петренко, 2017), но еще ранее посвятил им ряд статей (Петренко, 2014а, 2014б). Среди выносимых на защиту положений было и такое: «Сетевая словесность включает в свою метасистему такие поэтические жанры, как стишки-пирожки и стишки-порошки, для которых визуальный аспект текста не менее значим, чем вербальный. Они имеют двойную фольклорно-литературную природу и испытывают осязаемое влияние литературы абсурда (Петренко, 2017, с. 6–7). С. Н. Петренко относит пирожки и порошки к постфольклору. Это понятие, введенное С. Ю. Неклюдовым (Неклюдов, 1995), включает и городской фольклор, и, по мнению Петренко, новый вид народного творчества — интернет-фольклор (netlore). Последний теряет некоторые черты традиционного фольклора, так как основывается на письменной традиции, которую нельзя без потерь перевести в устную. Однако как раз общение в сети сближает письменную и устную формы языка. В частности, графическая монотонность текста (отказ от прописных букв и знаков препинания в пирожках и порошках) сглаживает патетику и усиливает комический эффект. С. Н. Петренко сравнивает сетевые жанры, с одной стороны, с частушками-нескладухами, а с другой стороны — с творчеством Д. Хармса, А. Введенского, Н. Олейнико-

ва, стоявших у истоков русской абсурдистской традиции, на основании характерной для них установки на абсурд и присутствия поэтики нон-сенса. Он отмечает, что авторство носит условный характер, поскольку автор неразличим за сетевым псевдонимом, что свидетельствует о появлении связей нового типа — фольклорно-литературного гипертекста (Петренко, 2017, с. 19–21).

Ю. В. Шурина рассмотрела пирожки и порошки в контексте других комических речевых жанров, бытующих в Интернете, и отнесла их к разряду «аналогов», то есть жанров, возникших и сформировавшихся в Интернете, но имеющих аналоги в других сферах: лимерики, «гарики» и подобные. Она отметила, что в пирожках и порошках «источник комического эффекта — неожиданный смысловой поворот, возникающий в последних строках» (Шурина, 2014, с. 40).

К. А. Шукина в целом следует за С. Н. Петренко, подчеркивая промежуточный характер сетевых поэтических жанров — полулитературный и полуфольклорный; впрочем, исследователь относит их к городскому фольклору (Шукина, 2015, с. 49–50). Она отмечает их вторичный или даже третичный характер, что дает, с одной стороны, возможность приращения смысла за счет прецедентных текстов, а с другой — возможность отталкивания, развития и переосмысления этих текстов. К. А. Шукина также говорит о прецедентных именах, которые редко встречаются изолированно и, как правило, соединяются с прецедентными ситуациями или высказываниями (Там же, с. 52). Наконец, она отмечает, что «зачастую в рамках одного стихотворения используются разнопорядковые или порой несовместимые понятия. Отсылка к другому тексту в значительной степени расширяет смысловое и коннотативное поле пирожков и порошков» (Там же, с. 54).

И. А. Чемезова обращается к понятию лингвистической креативности и, опираясь на понятие прецедентной единицы, ставит задачу выделить стратегии языковой игры, используемые в порошках. В качестве таких стратегий она называет снижение, опрокидывание смыслов исходной прецедентной единицы за счет введения новых словных компонентов, нанизывание прецедентных единиц в одном стихотворении по принципу цепочки, контаминацию прецедентных ситуаций как принцип оценки социально значимого факта и др. (Чемезова, 2019, с. 156–158).

Задача исследования: мотив превращения и пуант

Анализ научных работ в области малых поэтических интернет-жанров показывает, что исследователи сходятся в определении их места в системе словесности в целом, помещая их на границе литературы и фольклора. Более или менее согласны они и в вопросе о контексте возникновения этих жанров: хайку, сэнрю, танка, лимерики, частушки, «саdistские стишки», поэзия обэриутов, стихи Олега Григорьева, «гарики» Игоря Губермана, одностопишия Владимира Вишневецкого и т. д. Комические механизмы (или механизмы юмора), напротив, описываются по-разному, и создается впечатление, что задача строгого описа-

ния вовсе не ставится. Отмечается абсурдность пирожков и порошков, как в бытовом, так и в литературном смысле (нонсенс), неожиданность, столкновение несовместимого и подобное. Интересно, что в профильных сообществах эти же идеи передаются в рамках напутствий начинающему автору такими словами: *небанальный, динамика, взрывать мозг, нарушать привычную логику, разрыв шаблона*⁴.

Очевидно, что общие слова необходимы, поскольку мы не в силах описать единый механизм порождения юмора, учитывая разнообразие авторов и их творческих установок. Однако в случае порошков можно выявить наиболее частотный механизм юмора, во многом связанный с их формальными особенностями. Во-первых, это усечение четвертой строки до двух слогов, что создает фокус внимания на помещенном в эту позицию слове или словах. Во-вторых, это рифма, которая также привлекает внимание к двусложному или односложному слову. Иногда внимание к этой позиции поддерживается еще и стилистическим контрастом, так как в ней встречаются бранная (включая эвфемизмы) и сниженная лексика, а также жаргонизмы, просторечные слова и т.п. Наконец, дополнительным средством выделения может служить и орфография, подчеркивающая фонетические особенности. Вот несколько иллюстраций такого «лексического» контраста:

вот вам и секс и размноженье
сказал задумчиво червяк
когда его в саду лопатой
фуяк
© bazzlan

как хорошо сегодня в морге
прохладен чист его уют
все портят только практиканты
блоют
© Azov

как много надо человеку
зарплату секс поесть борща
и думаете он доволен
да ща
© Valeriya

Подобное обязательное формальное и факультативное стилистическое выделение слова (или слов) в последней строке создает предпосылки для его семантического и прагматического обособления. Стихотворение четко разбивается на две части: первые три строки противопоставлены последней. Впрочем, иногда третья строка семантически подтягивается к четвертой, составляя с ней единое высказывание, а иногда играет переходную роль и может присоединяться и к началу, и к завершению порошка.

⁴ Например, в сообществе в социальной сети «ВКонтакте» (https://vk.com/topic-28122932_31193554).

Такая концовка не просто противопоставлена началу, но вступает с ним в определенный конфликт, требуя его переосмысления и переоценки. Для описания концовки порошка подходит термин пуант⁵ (от французского *la pointe* — острое), давно используемый в описании таких малых жанров, как эпиграмма и анекдот. Так, в «Поэтическом словаре» А. П. Квятковского пуант определяется следующим образом:

Пуант (фр. *pointe* — острое, острота) — стилистический прием, выражающий: 1) остроумное заключение эпиграммы, басни или анекдота; 2) неожиданное разрешение сюжета (мастер такого сюжетного П. — американский новеллист О. Генри); 3) в более расширенном толковании П. является всякая резкая концовка в строфе или стихотворении, содержащая остроумное выражение, афористическую мысль или неожиданный вывод (Квятковский, 1966, с. 228).

Это описание едва ли можно считать точным. Третье значение можно рассматривать как расширение первых двух, но если сосредоточиться на них, то станет очевидно, что остроумие и неожиданность не противопоставлены друг другу, а сочетаются, по крайней мере в таких малых жанрах, как эпиграмма и анекдот. Кроме того, остроумие пуанта, как правило, оказывается именно следствием неожиданности. Более точный анализ пуанта в анекдотах (Курганов, 2014; Лендваи, 2001) и в порошках показывает, что пуант может приводить к противопоставлению двух частей текста и переосмыслению первой под влиянием второй. Для порошков предложено выделять особую разновидность пуанта — ретроспективный пуант (Кронгауз, 2020).

я не из типов что как слизи
прилипли к женам и домам
я вольный волк бунтарь по жизни
да мам?
© Арчи Бальчи

Так, реплика «да мам» заставляет переосмыслить образ главного персонажа, который создается в первых трех строках. Это образ настоящего мужчины, не подкаблучника, зависимого от жены, а бунтаря и «вольного волка» — по крайней мере, по его собственному заявлению. Однако последняя реплика означает, что читатель имел дело с ненадежным рассказчиком: бунтарь оказывается маменькиным сыночком. Здесь происходит переоценка героя и отношения к его словам, читатель перестает доверять его прямым высказываниям и строит оценку на последних словах.

В другом порошке переосмысление связано с каламбурным механизмом:

какое море дорогая
мы в отпуск едем по грибы
и наслаждаемся закатом
губы
© Вороныч

⁵ Реже встречается вариант «пуанта».

В первых трех строках создается образ приятного отпуска на природе, альтернативного отпуска на море, однако пуант разрушает его. Слово *губа* создает несуществующее выражение *закат губы*, которое отсылает нас к устойчивому выражению *раскатыть губу*, то есть 'предвкушать то, что не положено или не по средствам'. Иначе говоря, отпуск в лесу с грибами выбран не потому, что он хорош и можно наслаждаться закатом, а потому, что у пары нет денег.

Переосмысление текста, вызванное ретроспективным пуантом, может проходить по разным сценариям, и один из них связан с мотивом превращения. В частности, в порошке о «вольном волке» происходит внутреннее превращение: персонаж, чья речь представлена в порошке, оказывается не тем, кем он объявляет себя в первых строках. Этот прием, когда последняя реплика заставляет переосмыслить образ героя, встречается в порошках не раз:

задач важнейших я когда то
перед собой поставил ряд
вчера проверил всё нормально
стоят
© Н_Н

я свой характер закаляю
преодолением преград
упорно циркулем рисуя
квадрат
© Тихомиров

В первом порошке человек серьезный и даже «масштабный» (по первым двум строкам) оказывается обычным бездельником (по четвертой строке). Интересна роль третьей строки: вместе с четвертой она составляет одно предложение, но сама по себе еще не вступает в конфликт с началом текста. Так же устроен и второй порошок. Человек, закаляющий свой характер, в пуанте оказывается глупцом. В данных примерах можно говорить о внутреннем превращении — изменении образа человека, его оценки. Очевидно, что пуант, как правило, работает на снижение образа, изменение оценки с положительной на отрицательную, что и создает комический эффект.

Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы описать механизм превращения в порошках, выявив регулярные направления превращения, если таковые имеются.

Превращение: кто в кого

Среди приведенных в начале статьи порошков есть один, где превращение еще более наглядно. Речь идет о порошке с пуантом *агу*. Здесь также представлена прямая речь персонажа, но с авторским комментарием («орал олег а получалось»). В первых двух строках мы видим грубого и наглого мужчину, но пуант превращает его в младенца, не владеющего речью. Это уже не внутреннее превращение, а вполне осязаемое внешнее. Подобного рода механизмы чаще осуществляются не с

помощью прямой речи персонажа, с которым происходит превращение, а с помощью рассказа о третьем лице. В этом случае пуантом является не реплика персонажа, заставляющая увидеть его иначе, а прямое или косвенное его обозначение.

Одна из популярнейших тем порошков, как, впрочем, и литературы вообще, — отношения женщин и мужчин. В порошках эта тема часто реализуется в коротких монологах женщины о мужчине и наоборот, а также в их монологах о парах. Прежде чем перейти к мотиву превращения, следует сделать одно замечание. Для лучших порошков характерен необычный взгляд на эту проблематику, то есть переоценка традиционных характеристик. Вот примеры такого взгляда с обеих сторон.

ты не ревнуешь не дерешься
тиха задумчива нежна
ну и кому такая дура
нужна
© Цай

Этот взгляд мужчины на женщину интересен тем, что традиционно положительные качества оцениваются мужчиной резко негативно.

я депрессивная зануда
ты жизнерадостный кретин
женись на мне ты слишком счастлив
один
© Loli Ta

Такой взгляд женщины на себя и мужчину также интересен неожиданным выводом. Двум условным социопатам предлагается объединиться в браке, чтобы снизить уровень счастья одного из них, что, конечно же, противоречит традиционному представлению о целях женитьбы.

Переходя к основной теме исследования, можно вспомнить порошок, где мотив превращения лишь намечен:

иду по загсу в белом платье
в твоей руке моя рука
ты не м...к а я не стерва
пока
© √кын

Первые две строки создают идиллическую картину свадьбы, третья хотя и не разрушает ее, но резко меняет стилистику, а четвертая обозначает возможность превращения, по существу объявляя о нем. Здесь снова надо подчеркнуть некоторую неопределенность термина, а именно границ пуанта. С семантической точки зрения пуантом следует считать две последние строки, составляющие единое предложение. Но структура порошка выделяет как пуант именно последнюю строку. Действительно, если закончить стихотворение третьей строкой, то есть

поставить в ее конце точку, разрыва текста не произойдет. В принципе, третью строку можно и продолжить каким-то нейтральным образом («и никогда ими не будем»), так что конфликт фрагментов текста и механизм переоценки заложены именно в заключительной усеченной строке. Здесь, конечно, речь идет о внутреннем перерождении, и снова комизм основывается на снижении.

Вот еще пример внутреннего превращения, интерпретируемого с помощью метафоры внешнего:

назад листаю нашу сказку
сюжета потеряла нить
когда успел ты из копытца
попить
© Evgeniya Varvarina

Снова счастливое начало отношений и — через отсылку к русской народной сказке о сестрице Алёнушке и братце Иванушке — печальное превращение мужчины. Превращение Иванушки, навьпившегося воды из следа от копытца, в козленка, подсказывает нам слово *козел* — грубое ругательство, подразумевающее крайне низкую оценку субъекта, этим словом называемого. В воображаемом сказочном мире речь идет о физическом превращении, а в реальном — о внутреннем, моральном. Юмор построен на конфликте «сказочного» и романтического начала порошка и грубого, хотя и непроизнесенного пуанта.

Эта тема развивается в другом порошке, где буквальное прочтение слова *зоофилка* в первой строке разрушается пуантом: животное козел превращается в козла метафорического, то есть в мужчину.

ты зоофилка лена право
а мне бы не хватило зла
вот так терпеть кормить и нянчить
козла
© Мимоза

А вот еще два взгляда на противоположный пол, где в восприятии читателя происходит именно физическое превращение.

я обзавелся кофеваркой
посудомойкой и плитой
смотри стоит слегка прикрыта
фатой
© Вкын & Аммон

В первых двух строках описывается бытовая техника, приобретенная героем, в третьей интрига сохраняется, а в четвертой бытовая техника превращается в невесту. Комизм основывается на цинизме героя, первоначально неизвестном читателю, но внезапно открывающемся в пуанте. В конфликте пуанта и начала стихотворения побеждает пуант, заставляющий переосмыслить первые строки. В другом порошке представлен взгляд женщины на мужчину, более благосклонный, хотя и прагматичный.

согреет дам в холодный вечер
получше пледа и мурлык
слегка накинутый на плечи
мужик
© ОтВажная muzz вэпэ

Здесь первые три строки создают образ шали, пухового платка или чего-либо подобного, но в четвертой строке вещь названа прямым текстом, иначе говоря, она превращается в мужчину. Но не только вещи могут превращаться в людей, возможен и обратный процесс. Превращение женщины, описанной в первых строках, в кровать составляет содержание следующего порошка:

хочу в тебя всем телом вжаться
и нежно нежно прошептать
я так люблю тебя родная
кровать
© Enotas

Наконец, важный вид превращений связан с неправильно установленными функциями или ролями партнеров. Вот два примера.

любимая не нужно криков
поверь ты зря раздражена
мне эта женщина всего лишь
жена
© Цай

Из первых трех строчек очевидно, что собеседницей мужчины, перед которой он оправдывается, является его жена. Однако в пуанте появляется жена, оказывающаяся той женщиной, из-за которой мужчина оправдывается.

мне родила царица сына
а я ей тихо говорю
давай наверное не скажем
царю
© Тумми

Первая строчка отсылает нас к строкам Пушкина «Родила царица в ночь / Не то сына, не то дочь» и сложным отношениям царя Салтана с женой и сыном, под влиянием чего герой порошка однозначно воспринимается как царь. Однако в пуанте появляется царь, а герой оказывается робким любовником царицы.

Среди превращений мужчин, пожалуй, одно выделяется своей неожиданностью и постоянством — это взаимное превращение мужчин и котов.

Превращение: мужчины и коты

Как это ни странно, особого внимания заслуживает сопоставление (а в восприятии читателя — превращение) мужчин и котов. Коты легко превращаются в мужчин, и наоборот.

идет налево песнь заводит
о красоте любви весне
ну а потом идет направо
к жене
© bro

В этом порошке в первых трех строках описан образ пушкинского «кота ученого» с набором довольно банальных песенных тем («о красоте любви весне»). Однако пуант все расставляет по местам: у кота есть жена, следовательно, это не кот, а мужчина, а песнь о красоте, любви и весне предстает попыткой добиться благосклонности другой женщины. И даже *налево* в этом контексте приобретает другой смысл (*ходить налево* — ‘изменять жене’).

Обратную картину представляет следующий порошок:

оксана ценит в тимофее
что он не курит и не пьет
что на футболе не помешан
что кот
© ай эм

В первых трех строках описывается идеальный — с точки зрения жены или подруги — муж / мужчина. После прочтения четвертой становится ясно, что это кот. Обман очевиден: нет смысла рассказывать о коте, что он не курит и не пьет. Но именно это и создает эффект неожиданности, обеспечивающий комизм порошка.

Структурно похожая, хотя и несколько более изысканная конструкция представлена в другом порошке:

пусть грудь русалочки обвисла
и талия уже не та
но то что ниже возбуждает
кота
© ОК

В первых трех строках дается описание русалки, — как кажется, с точки зрения циничного мужчины, оценивающего ее сексуальную привлекательность. Пуант же снова провоцирует конфликт фрагментов текста и заставляет переосмыслить предшествующий ему текст. То, что находится ниже талии и возбуждает (но не человека, а кота), оказывается рыбьим хвостом.

Еще в одном порошке, который я хотел бы привести, превращения как такового нет, просто женщина путает, а точнее — сознательно меняет местами мужчину и котов, причем эта перестановка в пользу котов:

прошу вас встаньте анатолий
я постелила вам не там
вам на полу а на кровати
котам
© Тая Григорьева

В похожем иерархическом соотношении находятся кот и мужчина в глазах еще одной героини:

ей сон приснился вышла замуж
проснулась в ледяном поту
сказав кошмар опять прильнула
к коту
© Бекас

Эта же мысль развивается и в другом порошке:

от храпа зычного проснувшись
лежу и думаю о том
чего мне не жилось спокойно
с котом
© cindy & Evgeniya Varvarina

Интересно отметить отсутствие некоторых ожидаемых тенденций в мотиве превращения. Во-первых, во взаимных превращениях мужчин и котов вопреки стереотипу кот не рассматривается как носитель сексуальной энергии (ср. *мартовский кот*, кот как 'сутенер' и т.п.). Во-вторых, практически отсутствует зеркальный мотив превращения или хотя бы сравнения женщин и кошек. Вот только три довольно непопулярных порошка, где эта тема звучит, однако не в пуанте:

оксана стала бабой-кошкой
не как в кино наоборот
пожрать поспать и за пометом
помет
© журкова

трусь о мужчин в метро как кошка
гормоны март весенний гон
но переполнен голубыми
вагон
© Трехдюймовочка

споткнулся ночью я о кошку
и превратилась вдруг она
в козу в корову в пень в блудницу
в слона
© iXtiandr

Возможно, этот мотив затруднен по формальным причинам. Слово *кошка* не укладывается в усеченную строку из-за ударения на первом слоге. Такое предположение отчасти подтверждается единственным «артишоком»⁶ на сайте «Поэторий» с этим мотивом:

⁶ Малый поэтический жанр, также появившийся в Интернете, но значительно менее популярный, чем пирожок и порошок. Его формальное устройство таково: первые 3 строки написаны амфибрахиом, 4-я строка — хореем, количество слогов в строках — 11-9-11-2, рифма перекрестная (abab).

ты утром вбежала в открытую дверь
свернулась клубком у окошка
и кто же из нас объясни мне теперь
кошка
© Chrinstinct

Однако в любом случае отношения кошек и женщин в малых поэтических жанрах в Сети значительно менее интересны и разнообразны, чем отношения котов и мужчин.

Заключение

Один из главных механизмов юмора в популярном поэтическом сетевом жанре «порошок» связан с особым ретроспективным пуантом, формально выделяемым с помощью усеченной строки и рифмы. Такой пуант вызывает конфликт, оказываясь несовместимым с предыдущим текстом, и вынуждает читателя переосмыслить этот текст.

Одним из конкретных способов переосмысления оказывается новый взгляд на участников ситуации, описываемой в порошке. Набор участников стандартен: это рассказчик, его собеседник, герой рассказа и другие персонажи, а в отдельных случаях неживая природа и предметы, упоминаемые в рассказе. После прочтения пуанта читатель видит, что один из участников был не тем, чем казался ему раньше. Этот механизм назван в настоящей статье «превращением». В действительности превращение происходит только в восприятии читателя в процессе чтения пуанта, то есть пуант (точнее, его чтение) становится границей, после которой предшествующий текст воспринимается иначе. Таким образом, конфликт разрешается в пользу пуанта, а первоначальный образ участника описываемой ситуации оценивается как ложный. Сами превращения можно классифицировать в зависимости от того, какова коммуникативная роль «превращенца», каковы материальные воплощения источника и результата превращения (вещь → человек, человек → вещь, человек → животное и т. д.), а также от степени и типа изменений (внутреннее психологическое изменение, оценка человека, изменение роли или функции и материальное превращение).

Интересно исследовать повторяющиеся виды превращений, поскольку повтор свидетельствует о важности и выделенности отношений. Сближение и сопоставление мужчин и котов, увиденных прежде всего глазами женщин, повторяется в целом ряде порошков и может считаться актуальным для этого сетевого поэтического жанра. Остается, впрочем, не вполне ясным, надо ли исходя из этого делать более масштабные выводы, касающиеся современной культуры. Тем не менее мотив превращения связывает объекты по образцу метафоры, то есть может рассматриваться как способ познания и объяснения мира, а также как способ создания новой реальности (Lakoff, Johnson, 1980), пусть и не слишком масштабной.

Исследование осуществлено в рамках международного проекта «Russischsprachige Lyrik in Transition: Poetische Formen des Umgangs mit Grenzen der Gattung, Sprache, Kultur und Gesellschaft zwischen Europa, Asien und Amerika». Исследование выполнено в НИУ ВШЭ при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00712.

Список литературы

- Дымарский М. Я. Между жанром и творчеством, или К становлению пирожкового мышления языковой личности // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 8 : Памяти К. Ф. Седова. Саратов ; М., 2012. С. 385 – 390.
- Квятковский А. П. Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. М., 1966.
- Кронгауз М. А. Новые поэтические жанры в интернете: механизмы юмора // Язык русской поэзии конца XX – начала XXI века : монография / отв. ред. А. Бирих. Frankfurt a/M : Peter Lang, 2020 (в печати).
- Курганов Е. Анекдот как жанр русской словесности. М., 2014.
- Лендвай Э. Прагмалингвистические механизмы современного русского анекдота : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001.
- Неклюдов С. Ю. После фольклора // Живая старина. 1995. №1. С. 2 – 4.
- Петренко С. Н. Пирожки и порошки: сетевая поэзия между фольклором и литературой // Известия ВГПУ. 2014а. №2. С. 129 – 134.
- Петренко С. Н. О специфике порождения новых жанров интернет-фольклора: стишки-порошки // Известия ВГПУ. 2014б. №2. С. 193 – 197.
- Петренко С. Н. Жанровые модели постфольклора в русской постмодернистской литературе последней четверти XX – начала XXI века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2017.
- Саханенко В. (ред.-сост.). Непоззия: избранные пирожки. Минск : Логвинов И. П., 2009.
- Чемезова И. А. Неустрашимая тяга к креативности, или прецедентная языковая игра в интернет-сообществах (на примере сообщества «Порошки») // Уральский филологический вестник. Сер. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2019. Вып. 2 (28). С. 151 – 161.
- Щукина К. А. Прецедентные феномены в пирожках и порошках – новых жанрах современной интернет-поэзии // Мир русского слова. 2015. №4. С. 49 – 54.
- Щурина Ю. В. Классификация комических речевых жанров коммуникативного пространства интернета // Известия ВГПУ. 2014. №2 (87). С. 39 – 43.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago ; L. : The University of Chicago Press, 1980.

Об авторе

Максим Анисимович Кронгауз, доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией лингвистической конфликтологии и современных коммуникативных практик, профессор-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: mkronhaus@yandex.ru

Для цитирования:

Кронгауз М. А. Переосмысление текста и мотив превращения в малом жанре интернет-поэзии («порошок») // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, №4. С. 109 – 126. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-9.

TEXT REINTERPRETATION AND THE MOTIF OF TRANSFORMATION IN A SHORT FORM OF INTERNET POETRY (*POROSHOK*)

M. A. Krongauz¹

¹ Higher School of Economics National Research University

20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia

Submitted on August 17, 2019

doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-9

*In this article, I analyse the vehicles of humour in two short forms of Internet poetry that developed in the 2000s: the pirozhok (literary, a 'stuffed bun') and the poroshok ('powder'). Poems of these genres are quatrains written in iambic tetrameter. Pirozhoks have no rhyme scheme, whereas, in poroshoks, the fourth line truncated to two syllables rhymes with the second line. The poroshok as a genre is a descendant of the pirozhok. Just as in jokes and several other genres, a punchline plays an important role in pirozhoks and poroshoks. In Russian, the punchline is termed *puant*, which is a borrowing from French (*la pointe*). The truncation of the final line in a poroshok puts it in a special position. The truncated line, independently or together with the third line, comprises the punchline of a poroshok. The punchline is practically mandatory and may be presented in greater detail inasmuch as it does not simply violate the reader's expectations but enters into conflict with the beginning of the verse and forces the reader to reinterpret it. Reinterpretation means that readers change their perception of the situation or carry out a 'transformation', that is, substitute the character or the entire situation. I identify common transformations, namely: thing → person, person → thing, person → animal, etc. Most frequent is the reciprocal transformation of men and cats. The transformation motif binds objects in the manner of a metaphor.*

Keywords: internet poetry, new genres, quatrain, pirozhok, poroshok, punchline, retrospective punchline.

References

Dymarskii, M. Ya., 2012. Between genre and creativity, or Toward the formation of a pie-like thinking of a linguistic personality. In: *Zhanry rech'i: Sbornik nauchnykh statei. Pamyati K. F. Sedova* [Speech Genres: Collection of scientific articles. In memory of K. F. Sedov]. Vol. 8. Saratov, Moscow. pp. 385–390 (in Russ.).

Kvyatkovskii, A. P., 1966. *Poeticheskii slovar'* [Dictionary of poetic]. Moscow (in Russ.).

Krongauz, M. A., 2020 (in press). *Novye poeticheskie zhanry v internete: mekhanizmy yumora* [New poetic genres on the Internet: mechanisms of humor]. In: A. Birikh, ed. *The language of Russian poetry of the late XX – early XXI century*. Frankfurt am Main: Peter Lang (in Russ.).

Kurganov, E., 2014. *Anekdot kak zhanr russkoi slovesnosti* [Anecdote as a genre of Russian literature]. Moscow (in Russ.).

Lendvai, E., 2001. *Pragmalingvistichekii mekhanizmy sovremennogo russkogo anekdota* [Pragmalinguistic mechanisms of a modern Russian joke]. PhD thesis. Moscow (in Russ.).

Neklyudov, S. Yu., 1995. After folklore. *Zhivaya starina* [Living Antiquity], 1, pp. 2–4 (in Russ.).

Petrenko, S. N., 2014a. Pies and powders: network poetry between folklore and literature. *Izvestiya VGPU*, 2, pp. 129–134 (in Russ.).

Petrenko, S.N., 2014b. On the specifics of the generation of new genres of Internet folklore: poems – powders. *Izvestiya VGPU*, 2, pp. 193–197 (in Russ.).

Petrenko, S.N., 2017. *Zhanrovye modeli postfol'klora v russkoi postmodernistskoi literature poslednei chetverti XX – nachala XXI veka* [Genre models of post-folklore in Russian post-modern literature of the last quarter of the 20th – beginning of the 21st centuries]. PhD thesis. Volgograd (in Russ.).

Sakhanenko, V., 2009. *Nepoeziya: izbrannye pirozhki* [Neo-Poetry: selected pies]. Minsk: Logvonov I.P. (in Russ.).

Chemezova, I.A., 2019. Fatal craving for creativity, or precedent language game in Internet communities (on the example of the community "Powders"). *Ural'skii filologicheskii vestnik. Seriya «Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa»* [Ural Philological Bulletin. Series "Language. System. Person: Creative Linguistics"], 2 (28), pp. 151–161 (in Russ.).

Shchukina, K.A., 2015. Case Studies in Pies and Powders – New Genres of Modern Internet Poetry. *Mir russkogo slova* [World of Russian Word], 4, pp. 49–54 (in Russ.).

Shchurina, Yu.V., 2014. Classification of comic speech genres of the communicative space of the Internet. *Izvestiya VGPU*, 2 (87), pp. 39–43 (in Russ.).

Lakoff, G., Johnson, M., 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago, London.

The author

Dr Maxim A. Krongauz, Head of the Laboratory of Linguistic Conflict Studies and Contemporary Communicative Practices, Higher School of Economics National Research University, Russia.

E-mail: mkronhaus@yandex.ru

To cite this article:

Krongauz, M.A. 2019, Text reinterpretation and the motif of transformation in a short form of Internet poetry («poroshok»), *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 10, no. 4, p. 109–126. doi: 10.5922/2225-5346-2019-4-9.